

А.В. Прокофьев

УДК 174

Об использовании философской этической теории в преподавании прикладной (практической) этики

Аннотация. В статье обсуждается проблема поиска оптимальных способов вхождения философской этической теории в процесс преподавания прикладной (практической) этики. Отправными точками обсуждения являются две дискуссии, прошедшие в последние двадцать лет в зарубежном философском сообществе. Первая была инициирована выступлением Ричарда Рорти «Релевантна ли философия для прикладной этики?» (2005), в ней изучение прикладной (практической) этики обсуждалось в широкой перспективе задач философского поиска в целом. Вторая стала следствием публикации статьи Чарльза Харриса «Полезна ли моральная теория в практической этике?» (2009), участники дискуссии попытались разобраться с тем, в какой мере этическое образование будущих профессионалов должно опираться на ту часть философского этического знания, которую принято называть нормативной этикой. На основе анализа этих двух дискуссий установлено, что для решения центральной проблемы статьи требуется уточненное понимание философской этической теории, самой по себе прикладной (практической) этики, а также целей учебных курсов по прикладной (практической) этике. Применительно к философской этической теории необходимо учитывать, что она решает четыре разнонаправленных задачи: определение морали, объяснение морали, обоснование морали и конкретизация ее ценностно-нормативного содержания. В отношении прикладной (практической) этики следует иметь в виду: а) ее принципиальную двойственность (совокупность малых ценностно-нормативных систем и их теоретическое отображение); б) ее нацеленность на раскрытие моральной уникальности частных социальных практик; в) соединение в ней этики профессий и этики разрешения общественно значимых проблем; г) ее практико-ориентированный, проектный и инновационный характер. Учет этих обстоятельств обуславливает коррекцию целей преподавания, которая расширяет пространство для использования теоретического материала. Однако в реальности расширенные цели не всегда реализуемы из-за нехватки учебных часов, которая с неизбежностью превращает курсы по прикладной (практической) этике в простой этический тренинг будущих профессионалов.

Ключевые слова: мораль, этика, прикладная (практическая) этика, преподавание прикладной (практической) этики.

В своем приглашении к экспертной рефлексии на тему «Прикладная этика как университетская дисциплина» редакция журнала задается вопросом «Необходимо ли на университетском курсе по

прикладной этике расширенное этико-философское введение о морали, об историко-этических парадигмах, теориях и учениях и т.д.?». Он является частью более широкой проблемы – проблемы поиска оптимальных способов вхождения философской этической теории в процесс преподавания прикладной (практической) этики. Эту проблему постоянно решают практикующие преподаватели, шире – разработчики образовательных программ и учебных курсов, она является предметом специального внимания теоретиков. В своей статье я хотел бы реконструировать две примечательные дискуссии, связанные с ней, и попытаться извлечь некоторые уроки из этих дискуссий.

Дискуссия I. Нужна ли прикладной этике философия?

Первая дискуссия развернулась в журнале «Бизнес-этика: ежеквартальное издание» вокруг выступления Ричарда Рорти на ежегодном собрании американского «Общества бизнес этики». Выступление было озаглавлено «Релевантна ли философия для прикладной этики?» (2005). В числе оппонентов Рорти оказались такие крупные специалисты в сфере бизнес-этики как Ричард Де Джордж и Патриция Уэрхейн (материалы дискуссии [17, 7, 16, 20, 18]). Под прикладной этикой Рорти имел в виду преимущественно работу по созданию особого рода текстов, а не преподавание. Однако аргументы самого Рорти и его оппонентов вполне приложимы к преподавательской деятельности, прежде всего, в связи с тем, что смысл создания текстов по прикладной этике у Рорти состоит в том, чтобы воздействовать на широкую публику. Рорти время от времени вспоминает об улучшении характера тех, кто изучает бизнес-этику, и здесь более уместен образ студента, а не создателя текстов [17, 376]. Оппоненты Рорти считают создателей текстов по прикладной этике полноценными теоретиками или исследователями и превращают назначение курсов по прикладной этике в, хотя и не единственный, но важный фокус своих рассуждений.

Рорти начинает свое обращение к представителям бизнес-этического сообщества с тезиса о том, что философия имела славное прошлое, но у нее крайне неопределенное настоящее, ставящее под сомнение ее необходимость. Философия сохраняла центральное значение для происходящих в западной культуре трансформаций пока продолжалось острое противостояние науки и теологии. Научная картина мира, превращавшаяся в основание мировоззрения большинства, ставила под вопрос судьбу религиозного и квазирелигиозного «морального идеализма», а в какой-то мере – самих по себе моральных убеждений. Отсюда вытекала необходимость обсуждения природы реальности, границ познания и параметров

человеческой природы. Однако противостояние науки и теологии перестало быть важным обстоятельством в истории современной культуры. Вопрос о том, может ли сохраниться моральное мировоззрение в новых условиях, практически отпал, на повестке дня оказались другие проблемы: проблема возможности глобальных социальных изменений и проблема отношения к разнообразию форм существования человека. А философия, превратившись в особую профессию и академическую дисциплину, продолжает заниматься обсуждением той проблематики, которая уже потеряла свою остроту и актуальность. Обсуждение это технически изоцируется, становится все более и более разветвленным и утонченным, но не обретает в связи с этим больше смысла [17, 369–370].

Кроме того, философия несет на себе неизгладимый отпечаток «платоновского эссенциализма», идет ли речь о познании, человеке или моральных принципах (образцах жизни, являющийся наилучшей для человека). Понятия объективности и абсолютности остаются фундаментальными для философов, их пугает призрак познавательного и морального релятивизма. В нем обвиняются те мыслители, которые отходят от платоновского миропонимания. К таким мыслителям, как и к любым потенциальным моральным скептикам, философы обращают свое обоснование объективности и абсолютности моральных ценностей и принципов. Их аргументы призваны показать, что существует нечто запретное в любом месте и в любую эпоху (например, рабство, пытки или массовое убийство невинных) [17, 371].

Однако, как утверждает Рорти, «обоснование, будь то действий или убеждений, всегда соотносится с уже имеющимися убеждениями тех, кого обосновывающий пытается убедить в своей правоте» [17, 371]. «Абсолютных обоснований» не бывает, несмотря на то, что философия платоновского типа верит в их существование и пытается их создать. Она верит в то, что, получив дополнительную или полную ясность в области моральных понятий, мы станем лучше как личности или как сообщества и сможем освободиться от ограничений собственного культурного бэкграунда. Усилия в этом направлении якобы и создают моральный прогресс. Но Рорти убежден, что эта установка ложна. Если моральный прогресс и существует, то он не связан с усилиями по открытию вечных, объективных и абсолютных стандартов правильного поведения. Такой прогресс состоит в том, что мы «превращаем себя в новый тип людей, изобретая новые формы человеческой жизни» [17, 373]. Для этого нужна не систематическая аналитическая деятельность, не прорывы разума за пределы чувственно воспринимаемого мира, а способность к выдвиганию

новых идей, к формированию нового видения самих себя и своих отношений с другими людьми. Именно накопление достижений, полученных на основе этой способности, делает человечество лучше с течением времени. Однако никто при этом не может осуществить радикальный выход за пределы рамок собственной культуры: «Мы так же заперты в своем времени и в своем месте, как и Чингисхан, но мы больше знаем о возможностях, открытых человеческим существам» [17, 373].

Именно такое видение истории и современного состояния философии заставляет Рорти сомневаться в релевантности академической философской подготовки для занятий прикладной этикой. Подготовка современного философа включает в себя несколько составляющих. Это считающиеся ядром современной философии эпистемология и метафизика (по сути, философия сознания и языка) и примыкающие к ним, имеющие вспомогательный статус – история философии, логика и этика. Казалось бы, релевантность философии в отношении прикладной этики нужно искать в соприкосновении последней с этикой как таковой, которая является традиционной частью философского знания. Однако Рорти предлагает обратить внимание на то, что именно изучают современные философы под рубрикой «этика», и понять, что такой подход является сомнительным.

Курсы и исследовательские программы по этике заполнены, прежде всего тем, что принято называть метаэтикой, то есть анализом метафизических и эпистемологических проблем, связанных с вынесением моральных суждений (но не анализом содержания таких суждений).

В этой области есть две центральные темы. 1. «Каково место моральных ценностей в мире физических частиц?», ее анализ порождает различные версии морального реализма и противостоящие им антиреалистические концепции (параллельно в близком дискурсивном пространстве существуют когнитивистские и не-когнитивистские теории моральной ценности). 2. «Существует ли свобода воли?», ее анализ ведет к противостоянию сторонников компатибилизма и не-компатибилизма (в том числе в либертариистской вариации последнего). Однако, по мнению Рорти, вся эта проблематика не ближе к прикладной этике, чем проблематика какой-нибудь астрофизики [17, 373].

Реальные возможности влияния философии на прикладную этику открывает альтернативное понимание сути философии, которое Рорти обозначает словом «квиелистское» (в противоположность «натуралистическому»). Однако это влияние является довольно скромным, не эксклюзивным и исключаящим какой-либо диктат. «Кви-

етистская» позиция не претендует на использование особого философского метода и скорее растворяет (*dissolve*), чем разрешает (*solve*) теоретические проблемы [17, 374]. Вопросы о реальном, рациональном, обязательном (в смысле исполнения авторитетных предписаний) при таком подходе обесмысливаются. Их «растворяет» в себе вопрос о том, что работает или что полезно. Пример Рорти – Всеобщая декларация прав человека. Она успешно устанавливает границы государственного вмешательства в жизнь индивидов, значит нет необходимости спорить о том, действительно ли люди наделены этими правами в некотором метафизическом эссенциалистском смысле. Такая декларация и ее соблюдение просто нужны нам [17, 374]. Полезность служит основой разных словарей или даже языков, которые не надо пытаться соотносить между собой для установления какого-то одного метаязыка (примеры Рорти: язык ценностей и язык естественно-научного описания природы) [17, 374].

При таком взгляде на природу моральных ценностей метаэтика оказывается избыточной дисциплиной, поскольку она ищет именно такой язык и пытается обнаружить истоки ценностей где-то за пределами исследования их полезности. Соответственно, единственная часть философской подготовки, обладающая позитивной ценностью – это знакомство с наследием некоторых персонажей из истории философии, которые изменили мир, но изменили его не посредством систематической аналитической работы, а введением в культурный оборот новых интуиций. Анализируя их жизнь, творчество и воздействие на культуру, мы можем лучше понять, как это происходит, и продолжить их дело. А происходит это на основе воображения – мысленного моделирования новых способов человеческой жизни и утопических человеческих сообществ (поэтому Джон Стюарт Милль, например, важнее нам своей критикой подчинения женщин, чем своим вкладом в формулирование утилитаристского принципа полезности) [17, 375]. Исторически философы часто играли такую роль, но это не их прерогатива. А в наше время философы, особенно академические, не являются пионерами морального воображения.

Переходя непосредственно к бизнес-этике, Рорти утверждает: в отличие от представителей этой дисциплины, способность к моральному воображению не обязательное дополнение к моральной теории и моральному рассуждению, а их замена. Он допускает вспомогательную роль некоторых общих моральных принципов, которые каким-то образом объясняют старые или новые моральные интуиции, но способность к моральному рассуждению, предопределяющая оценки и решения, является для него фикцией. Проведение разного рода моральных дистинкций никогда не способствовало улучшению

морального характера индивидов и совершенствованию моральной практики. Их меняют попытки представить себя на месте другого и вообразить, что отношения между людьми могли бы быть иными, чем в нынешней системе традиций и институтов. Те, кто обладают талантом в этой сфере, могут расширить благоволение к тому кругу людей, который на нынешней стадии развития человечества или конкретного общества считается заслуживающим благоволения, а затем – смоделировать институты, которые могли бы реализовать на практике расширенное благоволение. Рорти пишет в этой связи: «Если бы Кант был способен принять всерьез книгу Мэри Уолстенкрафт, вполне возможно, что женщинам не пришлось бы ждать так долго получения права голоса» [17, 376]. Однако моральное воображение не может работать на основе простой мысленной смены мест. Расширение благоволения обеспечивают яркие, эмоциональные повествования о жизни другого (пример – «Хижина дяди Тома» Гарриет Бичер-Стоу). Этот же нарративный момент важен не только в процессе создания новых моральных интуиций, но и внедрения их в ткань некой культуры. В этом случае нарративы касаются не только жизни уязвимых, бедствующих, отчужденных, эксплуатируемых людей, но и тех, кто проникся к ним благоволением и начал реализовывать их на практике. Биографические нарративы захватывают воображение массы, и новые моральные интуиции получают шанс стать общими.

В бизнес-этической сфере такой механизм, по Рорти, работает в отношении практики массовых увольнений людей среднего возраста американскими IT компаниями, «рабского» труда мигрантов, «потогонной» системы использования рабочих в странах третьего мира современной глобализированной экономикой [17, 377]. Соответственно, исследователь в области бизнес-этики и ее преподаватель должны обладать не подготовкой в области этической теории, а иметь «нюх журналиста, позволяющий обнаружить хорошую историю, и талант романиста, позволяющий ее рассказать» [17, 378]. Конечно, доктор философии тоже может обладать этой способностью, но не в большей мере, чем люди с другим образованием. Для работы морального воображения может оказаться важнее разнообразный жизненный, профессиональный и образовательный опыт. Поэтому сообщество бизнес-этиков должно быть таким же внутренне разнообразным, как и современные комитеты по медицинской этике. Задача этого сообщества – включиться в выдумывание (буквально «фантазирование») утопического, идеалистического сценария, посредством которого могло бы возникнуть «добропорядочное глобальное общество» [17, 379].

Де Джордж возражает Рорти, акцентируя тот, знакомый ему по его собственному опыту факт, что прикладная этика в значительной мере является результатом «незаметной» или «тихой» революции» именно в сфере философских этических исследований. Для англо-американского философского контекста отождествление этики с метаэтикой и безразличие этиков к острым нормативным проблемам своего общества были характерны для середины XX в. Однако за десятилетия ситуация коренным образом изменилась. Значительная часть этиков, будучи философами по своей исходной подготовке и оставаясь философами по своему формальному статусу в университетах, расширила круг своих экспертных возможностей за счет глубокого проникновения в нефилософский материал (политическую науку, экономику, медицину, социально-организационные аспекты инженерной деятельности) и попыталась, используя свой философский багаж, присоединиться к артикуляции и обсуждению актуальных нормативных вопросов общественной жизни и современной политики. Их наработки оказались востребованы представителями других дисциплин, исследующих общество, а также практиками (представителями профессиональных сообществ, политиками, бизнесменами и т. д.). Соответственно, исторически можно зафиксировать двойной процесс. Во-первых, философия внесла вклад в формирование проблематики и дискурсивных инструментов прикладной этики (у Де Джорджа: «бизнес-этическое движение нашло в философии свое интеллектуальное оружие») [7, 382]. Во-вторых, некоторые философские проблемы были по существу пересмотрены философами, соприкоснувшимися со стихией общественной практики (у Де Джорджа, в качестве примера, подверглась сомнению «ранее священная идея, что [теоретик] должен быть либо утилитаристом, либо сторонником деонтологической этики») [7, 382].

Де Джордж выражает удивление тому, что Рорти не видит этой трансформации философии, не видит того дополнения сферы философских исследований, которое сформировалось в связи с возникновением прикладной этики. Конечно, если, пытаясь дать некий моментальный снимок современной философии, ограничиться конфликтом аналитических метафизики и эпистемологии, которые пытаются разрешить ряд отвлеченно-теоретических проблем, с философским «квиетизмом» в духе самого Рорти, который показывает, что это псевдопроблемы и тем самым «растворяет» их, то философия вообще не может ничему содействовать, в том числе и прикладной этике. Однако такое видение современной философии явно имеет слепое пятно, которое легко выявить, зафиксировав тот факт, что

Рорти вообще не использует в своем обращении к бизнес-этикам такого термина, как «нормативная этика».

Но, даже не используя этот термин, Рорти вынужденно указывает на то место, которое она занимает, заявляя, что «мы должны стремиться к согласованности наших интуиций» [17, 371; 7, 383]. Мы всегда стоим перед вопросами: какие из конфликтующих интуитивно достоверных моральных суждений следует сохранить, а какие отвергнуть. А также какие интуиции считать «своими» – те, которые господствуют в медиа, церквях, среди интеллектуальной элиты, или в получивших ординарное образование массах. Все это является предметом обсуждения и рассуждения и не может быть подменено прорывами морального воображения. Обсуждение и рассуждение такого рода не претендуют на получение безошибочного алгоритма, на основе которого можно устранить ту или иную моральную дилемму, как полагает критически настроенный к такой интеллектуальной и коммуникативной работе Рорти. Напротив, эта работа раскрывает всю сложность бизнес-этических кейсов (шире – кейсов из области прикладной этики) в отношении задействованных в их оценке интуитивных критериев. Ее результаты сигнализируют публике: «Здесь не все так просто!». Что в особенности важно в тех случаях, которые Рорти вообще не принимает во внимание, случаях возникновения новых социальных и технологических практик, которые не могут получить оценку в той рамке, которую создает уже имеющийся набор интуиций (напомню, что у Рорти есть всего одна ключевая моральная коллизия: между устоявшимися формами социальной жизни и моральной оценки и их новыми формами, инициированными моральным воображением). Понимание нормативной людей, имеющих разные наборы интуиций и обладающих при этом ассиметричными силой и влиянием в обществе (основанный на моральном воображении подход Рорти, по мнению Де Джорджа, здесь тоже бессилён) [7, 383–384].

Переходя от обсуждения поставленного Рорти абстрактного вопроса о релевантности философии для прикладной этики к обсуждению более конкретного и, с его точки зрения, более существенного вопроса о том, что могут дать философы в качестве именно философов общественной практике, Де Джордж считает нужным разобраться в специфике трех параллельно существующих и взаимодействующих между собой явлений: этикой в бизнесе, бизнес-этикой и бизнес-этическим движением. Этика в бизнесе представляет собой простую оценку различных явлений экономики и деловой жизни с позиций морали как таковой, то есть предельно общих представлений о том, что является добром, а что злом в межчеловеческих отношениях.

Подлог или экологический вред, причиняемый хозяйственной деятельностью компаний, легко оценить в качестве зла даже в этой перспективе. Участие специалистов по бизнес-этике не требуется. Рорти, по мнению Де Джорджа, считает, что этим можно и ограничиться [7, 385].

Этика бизнеса как академическая дисциплина пытается конкретизировать и специализировать оценочную рамку в соответствии с особенностями экономики и деловых отношений, с их социальным предназначением и условиями эффективности. Для этого ее основатели и продолжатели их дела систематически рассматривали с моральной точки зрения связь производства, распределения и обмена, устройство международной экономической системы, подкуп, потогонные производства, эксплуатацию, экологические последствия хозяйствования, неравенство, характер распределения природных ресурсов, воздействие нынешнего поколения на положение будущих. В определенный момент времени это было совершенно новым видом интеллектуальной деятельности, имеющим практические импликации. Им занимались именно философы, и то, что удалось его создать, не случайно, поскольку именно они оказались в наибольшей степени подготовлены к систематическому использованию «языка моральных рассуждений» (языка благотворных и вредоносных последствий, прав, справедливости, общего блага, индивидуального и коллективного совершенствования), к выявлению слабых аргументов и скрытых предпосылок аргументации, к пониманию того, что критерии оценки индивидов и корпораций не могут полностью совпадать и т.д., и т.п. Существенная философская составляющая академической бизнес-этики неизбежно переключается в ее преподавание. Это не значит, что работа морального воображения, акцентируемая Рорти, в ходе преподавания бизнес-этики не нужна. Однако философское мышление с его установкой на адогматический поиск оснований никак ей не препятствует. Не препятствует оно и использованию нарративов. Ведь, как подчеркивает Де Джордж, моральные нарративы имеют смысл только при их обсуждении в свете моральных принципов [7, 385–388].

Бизнес-этическое движение, в свою очередь, это широкое движение за придание экономической практике и деловым отношениям более соответствующей моральным критериям формы. У него много проявлений: это и формирование бизнес-структурами этических кодексов с поддерживающей их функционирование инфраструктурой, это и пристальное общественное внимание к негативным последствиям деятельности корпораций, это и признание самими корпорациями своей социальной ответственности, сопровождающееся созда-

нием механизмов учета интересов не только акционеров, но и широкого круга стейкхолдеров. В этом движении смешались внутренние импульсы бизнес среды с результатами внешнего воздействия на нее. И оно испытывает существенное влияние со стороны академической бизнес-этики, причем относящиеся к ней специалисты не только будят моральное воображение своих vis-a-vis, но и предлагают им свое видение общих оснований морального регулирования бизнес-практики.

Уэрхейн была пионером в раскрытии роли морального воображения и пробуждающих его нарративов в сфере прикладной этики. Поэтому Рорти увидел в ней своего ближайшего союзника в лагере бизнес-этиков. Однако и она посчитала категоричность Рорти избыточной. Для Уэрхейн ключевой факт, значимый для обсуждения вопроса о взаимодействии прикладной этики с философской этической теорией, состоит в том, что: люди постоянно встраивают свой опыт в особые «рамки осмысления», пользуются «смыслообразующим аппаратом», который играет решающую роль в ходе принятия практических решений [20, 404]. Каждая из «рамок осмысления» придает опыту порядок, но одновременно обедняет его, заставляет игнорировать те или иные данные или аргументы и не принимать во внимание иные точки зрения. Мы не можем обойтись без подобного «фреймирования», но именно оно представляет ключевую угрозу, когда происходит полное и безраздельное замыкание в каком-то фрейме. «Компании подчас попадают в трудное положение, – пишет она, – не потому, что они намеренно стремятся совершить что-то морально неправильное (хотя и такое бывает), а потому что они не ставят под вопрос то, что они делают, не сомневаются в методологиях, на основе которых осмысляют ту или иную проблему» [20, 404]. Однако, по Уэрхейн, работа морального воображения, позволяющая людям вырываться за пределы их собственных смыслообразующих установок, совсем не чужда философии и соединяется с философским мышлением не случайно. Такое воображение само по себе есть «философская идея с метафизическим багажом» и зависит от наличия того, что схватывает еще одна важнейшая для философии идея – идея субъектности [20, 405].

Кроме того, Уэрхейн настаивает на своей правоте в вопросе о множественности опор прикладной этики. Рорти пытался скорректировать ее высказывание о том, что «моральное воображение есть необходимое, но недостаточное условие креативного принятия решений в сфере менеджмента», утверждая, что оно является вполне достаточным. Уэрхейн подтверждает свою уверенность в его недостаточности, указывая на то, что любой, ломающий устойчивые

фреймы нарратив нуждается в рассуждении, которое резюмирует и усиливает извлекаемые из него уроки. Точно также и каждая интуиция, порожденная опытом воображения, всегда нуждается в рассуждении, которое ее обосновывает и встраивает в связную систему иных интуиций. Наконец, Уэрхейн пытается показать, что в вопросах выявления несправедливости и расширения области, перекрываемой принципами справедливости, в отличие от вопросов простого благоволения к чужим и далеким людям, далеко не все опирается на расширение симпатии на основе воображения. Здесь необходимо также расширение «доводов», обосновывающих недопустимость какого-нибудь института или какой-нибудь традиции [20, 406].

Дискуссия II. Нужна ли преподаванию прикладной (практической) этики нормативная моральная теория?

Вторую дискуссию инициировал специализированный журнал «Преподавание этики», но позднее она перекинулась на страницы «Журнала прикладной этики и философии» (материалы дискуссии [13, 5, 14, 11, 12, 6, 4]). Дискуссия была спровоцирована статьей крупнейшего специалиста по этике инженера Чарльза Харриса «Полезна ли моральная теория в практической этике?» (2009). «Практическая этика» в названии этой статьи подразумевает прежде всего – преподавание этических стандартов той или иной профессии и использование результатов этого преподавания профессионалами на практике (в ходе морального саморегулирования). Впрочем, участники дискуссии постоянно затрагивают и более широкий контекст – этическое регулирование конкретных социальных практик в целом. Харрис отвечает на свой вопрос положительно, по крайней мере, в рамках предложенного им самим понимания того, что такое мораль и что такое моральная (этическая) теория.

Моральная теория, с точки зрения Харриса, это особого рода интерпретация того, что он вслед за Аланом Донаганом и Бернардом Гертманом называет общей или общераспространенной моралью [8, 9]. Последняя есть совокупность моральных представлений, которые разделяет большинство представителей человечества (или хотя бы той культуры, к которой мы принадлежим). Эти представления включают в себя в качестве центрального элемента набор принципов, не рассматривающихся их обладателями в качестве вывода из единого ценностно-нормативного основания (таких как «правила» у Герта или «обязанности *prima facie*» у Уильяма Дэвида Росса) [19, 13, 51–52]. Функционирование этого набора в «этическом дискурсе» обеспечивается дополнительными правилами, которые позволяют приписывать моральную ответственность в зависимости от степени намеренности

действий и разграничивать между собой допустимые, недопустимые, обязательные и сверхобязательные действия. Моральная теория стремится к тому, чтобы установив назначение, смысл, природу морали, придать всему упомянутому комплексу единство (свести его к какой-то одной идее или нескольким взаимосвязанным идеям) и на этой основе облегчить разрешение практических моральных проблем. Образцовыми примерами моральных теорий, по Харрису, являются утилитаризм и кантианская концепция уважения к личности. Для утилитаристов назначение морали состоит в том, чтобы повышать человеческое благополучие. Для сторонников концепции уважения к личности – в том, чтобы защитить личность от ограничений ее способности действовать морально [13, 54].

Хотя эти два примера – примеры наиболее проработанных и наиболее убедительных моральных теорий, ни первая, ни вторая не может без противоречий соединить между собой все те принципы (правила, обязанности), которые формируют общераспространенную мораль. Харрис вспоминает в этой связи о недостатках утилитаризма и кантианской деонтологии, выявившихся в постоянной дискуссии между их представителями. Дискуссия показывает, что каждая из двух теорий может быть основой контринтуитивных выводов. Неспособность теорий исчерпывающим образом обосновать все содержание общераспространенной морали Харрис называет проблемой «неполного расширения» [13, 59]. Отсюда напрашивается вывод об их бесполезности для решения практических проблем и в особенности для этического образования. Историю и современное состояние моральных теорий можно рассматривать как прецедент бессилия разума, стремящегося к достижению тотального понимания мира ценностей и норм. И если для студента-философа столкновение с такими прецедентами и важно, и неизбежно, то для студента, изучающего практическую этику, оно было бы бессмысленным отвлечением сил и внимания.

Однако реакция Харриса на проблему «неполного расширения» не такова. Он полагает, что расхождение двух парадигмальных моральных теорий по какому-то конкретному вопросу означает лишь то, что перед нами контекст, в котором сталкиваются между собой разные, одинаково весомые в моральном отношении резоны. Здесь, как он считает, должен применяться вполне приемлемый для теоретика и вполне понятный для студента «креативный средний путь» [13, 60]. Если более подробно, то в обсуждении проблем практической и профессиональной этики с участниками некой общественной практики или со студентами есть три базовых ситуации. В поиске правильного действия моральный агент может натолкнуться

на: 1) совпадение выводов разных теорий (это совпадение важно установить, поскольку оно укрепляет убежденность в правильности решения); 2) противоречие между теориями (его тоже важно установить, поскольку правильность решения будет определяться в этом случае именно тем, что оно будет найдено на основе компромисса между центральными принципами двух теорий и теми приемами, которые следует применять при поиске такого компромисса); 3) отсутствие необходимости выводить обсуждение решения на теоретический уровень (такой вывод только «сбивал» бы «компас» ищущего решения агента).

Примером третьей ситуации Харрис считает случай программиста, перешедшего из фирмы в фирму и получившего на новом месте работы задание, которое в результате его выполнения неизбежно приведет к воспроизведению программного продукта, созданного по заданию прежнего работодателя. Здесь вполне достаточен, взятый сам по себе, очевидный принцип, запрещающий воровство. Нужно лишь определиться с тем, по какую сторону проводимой им линии оказывается рассматриваемый кейс [13, 59–60].

Примером второй ситуации, ситуации противоречия двух теорий, у Харриса является использование человеческих трупов для краш-тестов автомобилей. Это предположительно более эффективный подход, чем использование манекенов. Уважение к достоинству личности не предполагает возможности прагматического использования человеческих останков, утилитаристская логика, напротив, не вводит никаких ограничений и подталкивает к проведению таких испытаний. «Креативный средний путь», по Харрису, состоит здесь в том, чтобы сопроводить испытания некоторыми деонтологическими ограничениями (например, предварительным согласием тех, кто после смерти мог бы послужить повышению общего благополучия) [13, 62].

Противоречие может быть снято и другим способом – демонстрацией того, что одна из теорий дает как аргументы «за», так и аргументы «против» решения. Харрис использует в качестве иллюстрации вопрос о служебном информировании. Поощрение служебного информирования превращается в сомнительную практику в связи с тем, что утилитаристские доводы в его пользу сталкиваются с доводами против него, имеющими в своей основе уважение к личности. Однако дискурсивное пространство трансформируется, когда мы обнаруживаем, что уважение к личности (причем к личности самого потенциального информанта) тоже порождает доводы в пользу информирования. Информант в случае бездействия становится

невольным соучастником предосудительной практики и информирование позволяет ему избежать такого соучастия [13, 64].

Студентам важно знать, что есть кейсы: не требующие выхода на теоретический уровень; порождающие противоречия между рекомендациями разных теорий, и такие кейсы необходимо разрешать с помощью методики «креативного третьего пути». Но предварительно они должны узнать о существовании теоретического уровня обсуждения кейсов и относящихся к нему теорий.

Дополнительный фактор, определяющий полезность моральной теории для студентов, обучающихся практической этике, и для участников какой-либо социальной практики, регулируемой моральными нормами, по Харрису, состоит в том, что именно на основе теории возможна систематическая рациональная критика норм, которые на настоящий момент рассматриваются большинством или отдельными субкультурными группами в качестве вполне оправданной основы для морального регулирования поведения. Моральные представления и опирающиеся на них нравственные и правовые кодексы вполне могут включать нормы, которые не поддерживает ни одна из теорий, корректно отражающих назначение, смысл и сущность морали. Эти нормы могут быть рудиментами ушедших в прошлое систем ценностей. Пример Харриса – разграничение между естественными и неестественными действиями. Понятия естественного и противоестественного не являются в собственном смысле моральными понятиями и, как правило, наполняются внешним для морали содержанием. Скажем, контрацепция, аборт или освоение женщинами «мужских» профессий могут кому-то казаться противоречащими природному предназначению женщины. Однако анализ наличного набора этических теорий показывает, что ни одна из них не может стать основанием такого убеждения. Это значит, что убеждение должно быть преодолено, а его возможное влияние на нравственные и правовые кодексы – блокировано [13, 65].

Рекомендации Харриса по построению курсов практической этики учитывают разные аспекты «полезности» моральной теории. Оптимальная их структура должна включать в себя введение, касающееся морали и моральных теорий. Это предполагает знакомство студентов с теми двумя моральными теориями, которые обсуждает Харрис, а также с тем, в каком отношении они находятся к общераспространенной морали. Утилитаризм в этом введении должен быть охарактеризован в двух его основных версиях (утилитаризм действия и утилитаризм правила), студенты должны узнать, что именно он является основой экономического анализа выгод и затрат. Концепция уважения к личности должна быть изложена так, что бы

ее связь с Золотым правилом, принципом согласия и идеей прав человека была очевидна. Именно так построена учебная книга Харриса с соавторами по инженерной этике [15]. На основе этого теоретического знания и обсуждения его в свете этических кодексов и конкретных ситуаций у студентов формируются способности распознавать ценностные конфликты, предсказывать направление моральных споров в обществе, понимать, на какую основу опирается методология этического анализа, критиковать моральные убеждения, в том числе и широко распространенные.

На обоснование Харрисом тезиса о необходимости моральной теории для преподавания практической этики откликнулись два ведущих западных исследователя в этой области: Бернард Герт, который, будучи центральной фигурой дебатов о природе морали, внес существенный вклад в развитие биоэтики, и Майкл Дэвис, чьи заслуги в моральной теории заметно меньше, но вклад в этику инженера и академическую этику – неоценим. Герт в статье «О полезности всеобъемлющей и систематической моральной теории» вступил в дискуссию преимущественно как этик-теоретик и усомнился в возможности рассматривать утилитаризм и концепцию уважения к личностям в качестве полноценных моральных теорий. Для Герта они не являются таковыми, поскольку искажают предмет своего исследования (мораль) и делают это не в силу использования ложных посылок или ошибок вывода, а в силу негодности своего целеполагания. Стремление создателей этих теорий отобразить содержание морали посредством одной или нескольких предельно общих идей делает результаты их работы неприемлемыми. По мнению Герта, они подменяют продуктивное теоретизирование провозглашением лозунгов: «Мораль слишком важна, чтобы суммировать ее в виде лозунгов» (этой позиции Герт придерживался долгие годы до начала обсуждаемой дискуссии) [10, 11, 25].

Герт полагает, что его оппонент не может не видеть этой особенности утилитаризма и концепции уважения к личностям, поскольку подробно обсуждает их недостатки и случаи контринтуитивных выводов, порожденных ими. Однако, понимая, что теории неадекватны, продолжает их преподавать в качестве основания профессиональной этики инженера. «Ни один преподаватель инженерного дела, – возмущается Герт, – не стал бы учить своих студентов использованию теории, про которую ему точно известно, что она неадекватна, и сам не стал бы использовать такую теорию для решения инженерных проблем. Но Харрис, как кажется, говорит своим студентам, что обсуждаемые им теории неадекватны, сам не принимает моральных

решений на их основе, но, когда теория соответствует решению, с которым он заведомо согласен, признает ее вердикт» [11, 26].

Герт считает, что Харрису не следовало бы обманывать себя и других и исходить из того, что мораль носит многоцелевой характер. Она стремится защищать людей друг от друга и уменьшать вред, который причиняет им как их собственное поведение, так и естественные факторы. Она делает это с учетом не только уязвимости человека, но и его способности к совершению ошибок и проявлению слабостей. Последнее обстоятельство приводит к тому, что содержание морали представляет собой не только призыв к достижению ее целей, но и набор конкретных правил. Эти правила заведомо разнонаправленны и обладают значительной степенью независимости друг от друга. Если мораль именно такова, то утилитаризм и концепция уважения к личности не объясняют или раскрывают, а обедняют ее. Подлинная моральная теория призвана дать целостное, необъемное описание феномена морали. И это значит, что она должна навсегда отказаться от попыток представить мораль в виде чего-то подобного евклидовой геометрии с ее простой и экономичной аксиоматикой. Такая моральная теория, конечно, важна для преподавания практической этики.

Для прояснения ее роли Герт использует языковую метафору. Люди владеют родным языком, они могут общаться на нем, но из этого не следует, что могут точно и подробно описать его грамматическую систему. Специалист, знающий грамматику, способен им помочь. Это же относится и к общераспространенной морали. Практическая функция моральной теории состоит в том, чтобы помогать людям принимать морально ответственные решения на основе полученного ею систематического знания моральных правил, моральных идеалов, морально значимых черт ситуаций, а также условий, при которых формальное нарушение какого-то морального правила не представляет собой моральной трансгрессии [11, 29].

В каком-то смысле позиция Герта более радикальна, чем позиция Харриса. Он утверждает возможность создания всеобъемлющей моральной теории, которая а) корректно описывает, б) обосновывает общераспространенную мораль, несмотря на ее несводимость к «лозунгам». Эта теория дает «ясную процедуру решения моральных проблем», которую не может не принять любой рациональный моральный агент. Соответственно, если практическая этика – это своего рода проекция общераспространенной морали на те или иные проблемы общественной практики, то курсы, начинающиеся с изучения теории, систематически репрезентирующей то, что проецируется, являются нормой. Герт ведет речь о том, что именно моральная

теория позволяет в ходе преподавания таких курсов показать студентам, что общераспространенная мораль является универсальным феноменом, а не частной культурной традицией, и что моральная логика отличается от религиозной, или морально-теологической. Без этого не может быть хоть сколько-то продуктивного преподавания практической этики.

Однако в другом смысле Герт менее радикален, чем Харрис, поскольку он допускает существование неразрешимых моральных разногласий между людьми, которые придерживаются общераспространенной морали и признают описывающую ее всеобъемлющую моральную теорию. Там, где, по Харрису, столкновение утилитаризма и концепции уважения к личностям оставляет место для аргументированного поиска «креативного среднего пути», для Герта существует лишь одна перспектива – ситуативно-прагматическое соглашение участников дискуссии. Моральные разногласия по некоторым вопросам (например, проблемам аборта или ассистированного самоубийства) не могут быть решены за счет апелляции к общераспространенной морали, поскольку она, даже в своем теоретически проясненном виде, не дает «ясных процедур решения». Теоретикам, студентам и участникам этических комитетов лучше твердо знать, что перед ними теоретический тупик, чем заблуждаться по поводу возможности доказать свою правоту. Задача теоретика в подобных случаях в том и состоит, чтобы показать, что разногласия не являются результатом неправильного понимания моральных идеалов, правил и процедур поиска исключения из них. По мнению Герта, сложившемуся на основе опыта работы в биомедицинских комитетах, знание этого обстоятельства не затрудняет, а облегчает вынесение консенсусного вердикта [11, 31].

Отклик Дэвиса связан не столько с его претензиями к пониманию Харрисом сути моральной (этической) теории, сколько с его несогласием с предложенной Харрисом оценкой возможностей ее применения в учебных курсах. В виде общего тезиса: «Приведя хороший аргумент, подтверждающий общую полезность моральной теории для практической этики, Харрис не привел никаких аргументов, подтверждающих ее полезность для студентов и практиков. Он просто принял без доказательств, что нечто правильное в отношении практической этики остается верным и в частном случае обучения студентов и практиков» (под студентами Дэвис понимает учащихся, которые осваивают любую профессию, исключая профессию философа или социолога, а под практиками не консультантов по профессиональной этике или этических уполномоченных, а специалистов, принадлежащих к той или иной профессии и инструктируемых по

профессионально-этическим вопросам) [5, 69]. По мнению Дэвиса, переход от одного утверждения к другому не возможен в связи с избыточной ценой обращения к моральной теории в курсах по практической этике. Не исключено, что студенты или практики извлекут *какую-то* пользу из предварительного знакомства с теорией, когда перейдут к ядерной тематике курса по этике инженера, юриста или учителя, но это не делает такое знакомство необходимым, поскольку его коэффициент полезного действия будет невысок, а временные затраты на него могут оказаться близки к катастрофическим.

Дэвис декларирует три цели, которые преследует образование в области практической этики: 1) обучать опознанию тех этических проблем, с которыми сталкиваются представители той или иной профессии; 2) давать представление о контекстах, в которых эти проблемы возникают (то есть о специфике именно этой профессиональной деятельности: организаций или частной практики, нанимателей, клиентов и т.д.), а также о нормативных документах и аргументах, которые следует учитывать, решая эти проблемы; 3) давать возможность студентам практиковать и тренировать свою способность морального суждения при решении этих проблем в конкретных случаях [4, 5]. Воспитание этической чувствительности Дэвис не признает в качестве правомерной цели, поскольку оно не поддается проверке в ходе преподавания курса.

Исходя из этих целей, он видит три ключевых затруднения для использования моральной теории в ходе преподавания профессиональной этики. Первое связано с субъектами преподавания – лекторами и преподавателями, ведущими практические занятия. Они могут быть: а) этиками; б) специалистами по философии или другим гуманитарным дисциплинам; в) преподавателями негуманитарных специальностей, связанных с профессией обучающихся; г) инструкторами в области самой этой профессии. Если опустить первые две категории, то для двух оставшихся этическая теория будет чуждой областью знания, которую им придется преподавать на основе практически тех же сжатых, ознакомительных материалов, которыми пользуются сами студенты. У этика по специальности, конечно, будет более широкое видение и не одна, а несколько «линий обороны» в случае возникновения вопросов со стороны студентов. Тот, кто, как сам Дэвис, способен посвятить в специальном курсе по этической теории целый семестр на раскрытие разных параметров, по которым измеряется «наибольшее благо», в этом отношении вполне подготовлен. Но количество специалистов по этике невелико, а другие преподаватели (даже философы, специализирующиеся в иных областях) могут оказаться склонны к превратным интерпретациям моральной теории.

Ведь даже те, кто знают что-то о моральной теории, но не являются в ней экспертами, часто ошибаются в ее представлении студентам или, по крайней мере, не понимают, насколько проблематичными являются ее простые общеизвестные интерпретации. Другими словами, перед организаторами образовательного процесса всегда стоит вопрос контроля качества образования, и он, по Дэвису, в данном случае неразрешим. Лучшее, что могут сделать преподаватели-неэксперты – рассказать студентам о некоторых проблемах, связанных с той или иной теорией, и отдельных правилах (моральных принципах или критериях), которые из нее вытекают. Но это, по Дэвису, совсем не преподавание теории, и не должно маскироваться под него [4, 5–6].

Второе затруднение связано с объектами преподавания – студентами, изучающими профессиональную этику. По опыту Дэвиса даже студенты, добровольно записавшиеся на курс этической теории, в итоге, получают лишь довольно приблизительно представление об утилитаризме и кантианской деонтологии. Те же, кто приходят на курсы профессиональной этики, воспринимают этот теоретический материал с еще большим трудом. Но главное, что даже если преподавателю удастся преодолеть «сопротивление материала», потратив массу времени и усилий, полученные студентами теоретические знания помогут им весьма и весьма умеренно.

И это связано уже с третьим затруднением, которое касается самой сути моральной теории, или, вернее, того, как эту суть понимает Дэвис. В отличие от Герта, Дэвис не считает моральные теории, подобные утилитаризму или концепции уважения к личностям, всего лишь лозунгами, упрощающими ценностно-нормативное содержание морали и обрекающими нас на бессмысленные попытки объять необъятное. А в отличие от Харриса, он полагает, что противоречащие друг другу рекомендации моральных теорий не играют никакой конструктивной роли для практики, поскольку цель создателей таких теорий состоит лишь в том, чтобы дать обоснование решениям, которые в рамках общераспространенной морали считаются правильными. Теоретики, по Дэвису, стремятся к тому, чтобы получить такую нормативно-теоретическую модель, которая в наибольшей степени соответствует наибольшему количеству ясных, с точки зрения морального здравого смысла, кейсов. Дискуссии этиков-теоретиков сводятся преимущественно к поиску примеров, которые показали бы, что позиция противника является контринтуитивной, а также ответов на такие примеры, которые снимали бы эту предполагаемую контринтуитивность. «Моральная теория, – пишет Дэвис – это своего рода гонка вооружений между теоретиками, которые изобретают новые контрпримеры и связанные с ними возражения, и теоретиками,

которые находят способы вписать их в свою теорию» [9]. Эта борьба, полагает Дэвис, вряд ли интересна кому-то, кроме самих теоретиков, и тех, кого любое знание притягивает в силу того, что это знание. Понимание тонких теоретических различий мало что дает практике и практикам, кроме того, что в ходе своей гонки вооружений теоретики вынуждены реконструировать процедуры принятия решений. Но последнего обстоятельства недостаточно для того, чтобы считать моральную теорию хорошим фундаментом для курса профессиональной этики.

Казалось бы, почему? Если при построении моральной теории все же реконструируются такие процедуры, то систематическое и глубокое знакомство с ней может благоприятно воздействовать на освоение курса практической этики, несмотря на то, что постоянный обмен ударами контрпримеров будет несколько сбивать внимание студента с того, что ему как практику необходимо. Однако, как уже было сказано, все дело в коэффициентах полезного действия и в наличии альтернатив. Неразумно использовать паровой двигатель там, где можно использовать электрический, если электрический у вас под руками. И Дэвис считает, что в изучении этической теории есть более эффективная доступная альтернатива. Это прямое знакомство с набором критериев, используемых при осмыслении моральных проблем. Их связь с теми или иными моральными теориями (а она несомненна) не должна превращаться в предмет обсуждения на курсе. Собственный набор критериев (или «тестов») Дэвиса таков: причинение вреда; соблюдение прав; публичность; возможность обоснования в дискуссии; добродетельность характера того, кто совершает действие; возможность одобрения действия всем профессиональным сообществом; возможность одобрения действия коллегами; возможность его одобрения со стороны организации, в которой трудится профессионал. Наилучшее решение есть то, которое соответствует наибольшему количеству «тестов». Для практики в абсолютном большинстве случаев более сложного оценочного аппарата и не надо [4, 6–7].

Уроки дискуссий

Анализ этих двух дискуссий демонстрирует разные отправные точки участников по отношению ко всем трем соотносимым между собой явлениям: философской этической теории, самой по себе прикладной (практической) этике и образованию в сфере прикладной (практической) этики. Уточнение того, что представляет собой каждое из этих явлений могло бы облегчить оценку выдвинутых позиций и аргументов, поиск в них рационального зерна, а в итоге – разработку

учебных программ по прикладной (практической) этике, которые включали бы ровно столько материала из области философской этической теории, сколько необходимо для решения задач, стоящих перед курсами по этой дисциплине.

а). Философская этическая теория

Содержание обеих дискуссий показывает, что и те их участники, которые положительно отвечают на вопрос о том, нужна ли философская этическая теория прикладной (практической) этике, и те, кто оспаривают положительный ответ, не имеют единого понимания задач и методов этой теории. Для Рорти, мыслителя из лагеря оспаривающих, философская этическая теория – это предельно далекая от практики метафизика и эпистемология морали. Для Дэвиса, формального союзника Рорти, она тождественна нормативной этике, цель которой – выявление единой, простой основы всех общеразделяемых моральных интуиций, а принцип развития – выдвижение полемизирующими сторонами взаимных обвинений в контринтуитивности и попытки снять такие обвинения (та самая философская «гонка вооружений»). Внимание всех сторонников тезиса о полезности философской этической теории для прикладной (практической) этики тоже приковано к этике нормативной, но они, в отличие от Дэвиса, видят в ней нечто, отличающееся от теоретической игры в бисер или показательных боев на интеллектуальной арене. Нормативная этика оказывается для них правомерным пространством выявления ориентиров, алгоритмов и процедур принятия морально значимых решений. Однако и они не едины в ее понимании. Для Харриса это попытка свести общераспространенную мораль к простой нормативной основе и таким образом в чем-то скорректировать ее, а для Герта – попытка создать уточненный реестр используемых в ней, но не сводимых друг к другу нормативных критериев.

Эта разногласия связана с разными обстоятельствами, но одно из них кажется мне самым важным – это неустранимая неоднородность философской этической теории. Она предполагает решение нескольких разнонаправленных познавательных задач для получения развернутой теоретической картины феномена морали.

Во-первых, это задача определения морали, то есть выявления признаков, которые отличают мораль от других форм индивидуального опыта и сфер культуры. Среди этих признаков могут присутствовать только формально-функциональные или, в том числе, и нормативные. В первом случае этическая теория оказывается заметно беднее по кругу проблем и гораздо дальше от прикладной (практической) этики. Однако сугубо формальные дефиниции морали

являются очень уязвимыми для критики и поэтому далее не будут обсуждаться.

Во-вторых, это объяснение морали, под которым подразумевается раскрытие эмпирических причин возникновения и воспроизводства моральной ценностно-нормативной системы. Эти причины могут носить природно-биологический и социокультурный характер, поэтому их установление требует опоры на биологические, социологические, психологические исследования, хотя возникающий в итоге философский синтез выходит за пределы подтверждения эмпирических гипотез.

В-третьих, это обоснование морали, то есть выдвижение аргументов, способных убедить разумного агента в необходимости исполнять моральный долг и формировать (поддерживать) моральные убеждения. В определенной мере и во вторичном порядке обоснование морали может играть роль ее объяснения – указания на истоки моральной ценностно-нормативной системы. Ведь мораль может рассматриваться как явление, которое сформировано более или менее сознательным стремлением индивидов придать своей жизни разумный характер, наполнить ее смыслом, сделать по-настоящему благополучной.

В-четвертых, это прояснение или конкретизация ценностно-нормативного содержания морали, выходящая за пределы тех предельно общих принципов или установок, которые непосредственно входят в ее определение. Можно сказать, что задача конструирования более или менее однородной, более или менее иерархизированной системы, включающей моральные ориентиры поведения и конкретные моральные требования. У разных теоретиков эта система в большей или меньшей степени близка к общераспространенным моральным убеждениям, от которых отталкивается работа по ее созданию. Совокупность усилий в этом направлении принято называть нормативной этикой.

Обсуждать полезность или бесполезность философской этической теории для преподавания прикладной (практической) этики необходимо применительно к результатам всех этих четырех направлений теоретического поиска. Попытаюсь показать ниже, определенный, хотя и очень неравный, потенциал для использования в образовательном процессе есть в каждом случае.

б). Прикладная (практическая) этика

Участники дискуссий не нашли консенсуса и в отношении прикладной (практической) этики. Для Рорти это общеморальная оценка социальных институтов и практик, взятая лишь в одном ее аспекте – вкладе в общественные преобразования. Для Герта это практическое

преломление общераспространенной морали, вернее, проведенного теоретиками «эксплицитного описания такой морали», помогающее участникам тех или иных практик делать правильный нравственный выбор. Для Де Джорджа это выявление строго моральной, очищенной от лишних, неморальных элементов нормативно-теоретической рамки, в которой оценивается та или иная специализированная деятельность. Для Харриса это область разрешения моральных проблем, связанных с конкретными социальными практиками, на основе уточненных оценочных критериев, извлеченных в ходе аналитической и критической процедуры из массива наших моральных интуиций. Для Дэвиса это только этика профессий. Инженерная этика выступает для него в качестве вполне исчерпывающей модели прикладной (практической). Не удивительно, что в заключительной своей статье он просто отбрасывает неудобный термин «практическая этика» и пишет исключительно об этике «профессиональной», хотя при этом понимает, что термин «профессиональная этика» может немного сбивать читателя с толку, поскольку в действительности за ним стоит сложный комплекс нормативных стандартов профессиональных сообществ, организаций и институтов [4, 3].

Наиболее взвешенный подход к пониманию природы прикладной (практической) этики демонстрируют Харрис и Де Джордж, но, как мне представляется, это взвешенный подход лишь к одному из двух ее полюсов. Известно, что прикладная (практическая) этика является двухполюсным явлением. Она представляет собой особого рода исследовательскую дисциплину, приближенную к потребностям и запросам практики, одновременно – оценочную и регулятивную составляющую самой практики, в которой оценка и регуляция являются моральными и осознаются ее участниками в качестве таковых.

Нельзя сказать, что спорящие друг с другом философы не осознают этой двойственности. У Рорти такое осознание проявляется в гипертрофированной форме и сопровождается подавлением исследовательского полюса. Он ставит под сомнение необходимость прикладной (практической) этики как теории и фактически отождествляет её с социально-перфекционистской деятельностью (что, кстати, является дополнительным искажением, поскольку в действительности прикладная (практическая) этика при любом ее понимании не ограничивается и не может ограничиваться исключительно преобразовательскими задачами).

Де Джордж осознает обсуждаемую двойственность в нарративно-историческом ключе, показывая, каким образом развитие «академической бизнес-этики» было связано с несколько более поздним развитием «бизнес-этического движения». Однако этот исторический

нарратив не является ни скрупулезно точным (бизнес-этическое движение имело и более ранние прецеденты), ни универсальным (в других областях деятельности академическая прикладная этика, наоборот, приходила в те сферы, которые уже организовали свои ценностно-нормативные системы и их инфраструктуру).

В виде прямой констатации осознание двойственности присутствует лишь у Дэвиса, правда, оно касается только профессиональной этики. Как мы увидим далее, профессиональная этика представляет собой не более, чем одно из двух ответвлений прикладной (практической). «Термин “профессиональная этика”, – пишет Дэвис – является систематически двойственным. С одной стороны, он обозначает философскую или социологическую дисциплину, с другой – социальные практики, которые конституируют ее предмет (то есть способы, которыми аудиторы, судьи, психотерапевты или другие профессионалы должны вести себя, взаимодействовать друг с другом, оценивать друг друга или не должны, а в действительности ведут себя, взаимодействуют, оценивают)» [4, 2].

Однако когда участники дискуссий приступают к обсуждению преподавания прикладной (практической) этики, осознание ее двойственности либо не играет существенной роли, либо ведет к излишне радикальным выводам. Радикализм Рорти я уже затронул, о радикализме Дэвиса речь пойдет позже.

Хотя понимание двойственности прикладной (практической) этики очень важно для решения основной проблемы, обсуждаемой в данной статье, это не единственная ее характеристика, которую следует учитывать в этом контексте. Я бы обратил внимание еще, как минимум, на три ее фундаментальных свойства. Первое относится преимущественно к исследовательскому полюсу прикладной (практической) этики или, по крайней мере, к современному его состоянию. Эту характеристику акцентирует Рубен Апресян. Он определяет прикладную (практическую) этику как дисциплину, изучающую «социокультурные условия и существующие нравы профессионально и предметно определенных видов деятельности, их нормативный состав (существующий или возможный), а также социальные устройства и механизмы, посредством которых обеспечивается его действительность», и показывает, что в ходе своего развития она перешла от сосредоточенности «на обычном моральном опыте, который адаптируется к конкретной... деятельности», к исследованию «особенностей, возможно беспрецедентных, морального опыта, относящегося именно к данной деятельности» [1, 48]. Прикладная этика не только проецирует ценности и нормы морали в разные практические сферы, а пытается схватить моральную уникальность частных социальных

практик и донести свои выводы до их участников и общества в целом.

Второе дополнительное свойство связано с еще одним аспектом неоднородности прикладной (практической) этики (здесь уже и как совокупности малых ценностно-нормативных систем, и как совокупности исследовательских дисциплин). Дело в том, что некоторые из малых ценностно-нормативных систем регулируют преимущественно определенный вид трудовой деятельности, а другие – решение какой-то общественно значимой проблемы силами специалистов разного профиля и на основе координации усилий разных субъектов общественного дискурса и управления (от самоорганизующихся общественных движений и ассоциаций до государственных и международных институтов). Апресян в этой связи ведет речь о различии «профессионально определенных» и «предметно определенных» видов деятельности и о соответствующих им этиках [1, 48]. Для примера можно сравнить этику контроля над климатическими изменениями или этику освоения космоса с этикой врача, юриста, аудитора, школьного учителя, университетского профессора и т.д. Между ними, конечно, нет пропасти, есть множество промежуточных и переходных феноменов. Этические проблемы, возникающие в отдельной профессиональной практике, часто не могут быть урегулированы усилиями самих профессионалов или профессионалов, которые принадлежат лишь к одному сообществу. Эти проблемы становятся предметами общественного обсуждения и политических решений. В какой-то момент нормы, возникшие в результате выхода этих проблем в широкое общественно-политическое пространство, занимают свое место в кодексах конкретных профессиональных этик. Однако, несмотря на интенсивность взаимодействия, на уровне отчетливо выраженных полюсов и наиболее типичных феноменов специфика двух видов прикладной (практической) этики очевидна.

Третье свойство задано особенностями взаимодействия между исследовательской прикладной (практической) этикой и предметом ее исследований – ценностно-нормативным и регулятивным комплексом профессионально и предметно ориентированных видов деятельности. Для большинства участников реконструированных в этой статье дискуссий эти особенности не являются секретом. Рорти обсуждает их в качестве своего рода задания для теоретизирования или просто рассуждений в сфере прикладной (практической) этики. С его точки зрения, смысл прикладной (практической) этики в трансформировании общественной жизни. Но это для него такое задание, которое не может быть выполнено теоретиком. Прикладная (практическая) этика, осознающая и выстраивающая себя как наука, а не

пространство, в котором культивируется моральное воображение, не достигает и не может достичь целей изменения практики. Де Джордж указывает на то, что в сфере бизнес-этики усилия теоретиков сформировали общие рамки дискурса по моральным проблемам конкретного вида деятельности и при этом инициировали такой дискурс. Как уже было сказано, этот вариант взаимодействия нельзя признать единственно возможным, исследования в области прикладной (практической) этики могут прийти в сферу какой-то практики в момент, когда нормативные основания и институциональные механизмы ее регулирования уже сформировались. Однако смысл этих исследований все равно состоит именно в том, чтобы в сотрудничестве с практиками искать оптимальные средства регулирования, оптимальные подходы к решению моральных дилемм, снабжать практиков инструментами, облегчающими ответственный выбор в конкретных ситуациях. Эту особенность прикладной (практической) этики очень прозрачно и систематически раскрыл Владимир Бакштановский, рассматривая ее как «инновационную», «проектную» и «практико-ориентированную» исследовательскую деятельность [2, 3].

в). Цели преподавания прикладной (практической) этики

В рамках реконструкции второй дискуссии были приведены цели учебных курсов по прикладной (практической) этике, обозначенные Дэвисом: 1) обучать опознанию тех этических проблем, с которыми сталкиваются представители той или иной профессии. 2) давать представление о контекстах, в которых возникают эти проблемы, о нормативных документах и аргументах, которые следует учитывать при их решении. 3) давать возможность студентам практиковать и тренировать свою способность морального суждения при решении этих проблем в конкретных случаях. Этот набор целей соответствует тезису Дэвиса о том, что «учить профессиональной этике – это значит (по крайней мере, в основном) учить *социальной практике* (искусству, в котором профессия (profession) преуспела (proficient)), а не просто учить чему-то *об этой практике* (науке, которая оставляет больше пространства для философии)» [4, 2]. Чтобы защитить свое видение задач преподавания учебных курсов по прикладной этике, Дэвис специально оговаривает, что не обсуждает образование тех, кто занимается организацией системы этического регулирования. У такого образования могут быть дополнительные цели, не свойственные образованию простых практиков. Вполне соглашаясь с каждой из целей, обозначенных Дэвисом, я не могу признать их набор исчерпывающим, а оговорку – оправданной. Но причины хотел бы привести уже в следующем разделе статьи.

а). Способы вхождения философской этической теории в преподавание прикладной (практической) этики

Итак, теперь у нас имеются все исходные данные для выявления потенциальных способов вхождения философской этической теории в преподавание прикладной (практической) этики.

Понимание неоднородности философской этической теории позволяет определить, какое место каждый из ее элементов может занимать в образовательном процессе.

Дефинитивная составляющая играет существенную роль в связи с двумя проблемами, решение которых выстраивает общую рамку курса.

Во-первых, на ее основе можно выделить специфику именно моральных аргументов, которые используются профессионалами в принятии ситуативных решений, этическими органами в ходе разбора кейсов, участниками общественных дискуссий в процессе разработки правовых норм или формулировании этических деклараций. По крайней мере, двое из участников дискуссий считают важным, чтобы студенты умели проводить разграничения между моральной и неморальной аргументацией. Моральные аргументы отличаются от религиозных, от выражающих интересы отдельных групп и слоев и т.д. Для того, чтобы провести такое разграничение студентам необходимо иметь представление о нормативной части определения морали (ценность блага другого и равенство людей) и о некоторых формальных характеристиках, входящих в него (универсальность).

Во-вторых, так как студенты являются обладателями «обычного морального опыта» и получают на курсе прикладной (практической) этики представление о том, что в рамках предметно и профессионально определенных видов деятельности этот опыт предстает в трансформированном виде, то самым удобным способом для захода к обсуждению этой проблематики является знакомство с некоторыми формальными характеристиками морали и тем, какие изменения они претерпевают. Я имею в виду такие характеристики, как а) регулирование не только действий, но и мотивов, б) идеальный и преимущественно внутренний характер санкций, в) горизонтальный характер оценки по принципу «каждый имеет право оценивать каждого».

Реконструкция происхождения морали и механизмов воспроизводства морального опыта в курсах прикладной (практической) этики не требуется, по крайней мере, в ее полноте и деталях. Однако некоторые аспекты этой проблематики вполне уместно встроить в учебные программы.

Один касается уже упомянутой трансформации морального опыта при его перенесении из области межличностных взаимодейст-

вий в область институционализированных общественных отношений и затрагивающих интересы большого числа людей политических и экономических практик, а также того, что эта трансформация создает явления, которые находятся на границе морального саморегулирования и права или морального саморегулирования и управленческой деятельности. Студенты должны быть осведомлены о том, что прикладная (практическая) этика во многом относится именно к таким, промежуточным явлениям, сохраняя свою живую связь с моральным сознанием, но принимая при этом формы, приближающиеся к «мягкому праву».

Другой аспект – психические основы уважительного отношения к другим людям в купе с психическими импульсами и когнитивными искажениями, препятствующими формированию и реализации этой практической установки. Возможности применения подобного знания в прикладной (практической) этике (в основном, в этике организаций) проанализировала одна из участниц реконструированных дискуссий – Уэрхейн. Она показала как в жизни больших и малых организаций блокируются эмпатические способности их членов и искажаются их моральные убеждения. И предложила набор средств для преодоления этих негативных тенденций (стимулирование морального воображения в организационном микроконтексте – одно из важнейших) [21].

Обоснование морали и связанные с ним вопросы моральной метафизики и эпистемологии вряд ли могут занимать существенное место в преподавании прикладной (практической) этики (хотя Герт, к примеру, полагает, что без предъявления обосновывающих аргументов преподаватель не сможет развернуть проекцию общераспространенной морали в ту или иную практическую область). Студентам достаточно знать, что такая сфера исследований существует и что при желании, каждый может с ней ознакомиться. Для преподавания прикладной этики достаточно актуализировать в сознании студентов то обстоятельство, что абсолютное большинство людей не уклоняются от использования языка морали, от вынесения моральных оценок, хотя часто используют этот язык непоследовательно, оценивают поступки других людей, не универсализуя свои суждения. Ответы на вопросы студентов «А разве у каждого не своя мораль?» или «Почему мне следует исполнять моральный долг и стремиться к нравственному совершенству?» в рамках таких курсов должны быть предельно краткими.

Нормативная этика имеет прямое и непосредственное отношение к существу прикладной (практической) этики в обеих ее ипостасях: как совокупности малых ценностно-нормативных систем, и как области междисциплинарных, но при этом философски фунда-

рованных, исследований. И дело не только в том, что между принципами, которые она пытается выявить, и используемыми моральными агентами критериями принятия решений существует соответствие. Как верно замечает Дэвис, если они соответствуют друг другу, то по прагматическим соображениям (из экономии времени) можно сделать выбор в пользу обсуждения на курсе одних лишь критериев, опустив результаты теоретической работы. Дело еще и в том, что усилия теоретиков, пытающихся найти оптимальные формулировки нормативных принципов, которые соединяли бы все моральные интуиции в единую систему, направлены не столько на победу в интеллектуальной «гонке вооружений», сколько на согласование этих интуиций или их иерархизацию. Метод анализа ситуаций на основе нескольких базовых критериев (тестов), разработанный Дэвисом, предполагает, что профессионал должен предпочесть то решение, которое соответствует наибольшему числу таких критериев. Однако метод Дэвиса оказывается сомнительно-механическим. Правило соответствия большинству критериев не учитывает того, что в разных практических контекстах значение (вес) разных критериев может быть разным. Выявление контекстуального значения (веса) разных нормативных аргументов – это важная часть того, чем занимается нормативная этика, и образовательное преломление результатов ведущихся в ней исследований может быть вполне уместным.

Обсуждение специфики прикладной (практической) этики показало ее неоднородность и это также накладывает отпечаток на преподавание этой дисциплины. Конкретные курсы по прикладной (практической) этике могут быть сосредоточены на этике отдельной профессии или же на моральном регулировании отдельной социальной проблемы, которую разные профессионалы решают вместе с обществом в целом (вернее, общество в целом решает с помощью соединения усилий разных профессионалов). И если курс этики школьного учителя или бухгалтера, в меньшей мере – инженера или врача, вполне может опираться на Дэвисовы критерии, то курс по биоэтике, этике борьбы с климатическими изменениями, экологической этике или этике освоения космоса выглядел бы в этом случае заведомо неполным.

Проблема может артикулирована следующим образом. Курсы из первой группы могут опираться исключительно на триаду: 1) актуальные на момент их преподавания этические документы (этические кодексы); 2) общее представление о социальном предназначении вида деятельности; 3) нормативные критерии для анализа конкретных ситуаций. Это не обязательно наилучший, но вполне возможный способ их организации. А вот курсы из второй группы так построены

быть не могут. Они предполагают ознакомление студентов с состоянием общественно-политического дискурса по определенным проблемам, а также включение студентов в этот дискурс. На таких курсах студенты тоже сталкиваются с нормативными документами: юридическими актами, кодексами различных профессий, этическими декларациями по конкретным проблемам. Однако все эти документальные фиксации ценностей и норм в силу остроты и открытости проблем, которым они посвящены, невозможно представить студентам в виде застывшей данности. Их приходится обсуждать как ситуативный результат продолжающегося столкновения точек зрения. Разнонаправленные и часто довольно абстрактные аргументы, используемые участниками общественно-политического дискурса, требуют сопоставления, оценки их уместности в обсуждаемом контексте, соотнесения между собой по весомости и т.д. Что именно и делает необходимым привлечение материала из области нормативной этики.

Не случайно Дэвис, чувствуя эту особенность этики «предметно определенных видов деятельности» или этики «открытых» социально-этических проблем, начинает указывать своему оппоненту, Харрису, на то, что тот неправоммерно обсуждает не только курсы по профессиональной (прежде всего, инженерной) этике, но и курсы, в которых возникают проблемы абортов, эвтаназии, позитивной дискриминации и т.д. Однако все это тоже прикладная (практическая) этика. А если учесть, что споры по моральным проблемам «предметно определенных видов деятельности» часто определяют или корректируют этику профессий (см. подробнее выше), то и само разделение курсов на две группы оказывается довольно условным.

Кроме неоднородности прикладной (практической) этики, ранее был зафиксирован ее «инновационный», «проектный», «практикоориентированный» характер. Прикладная (практическая) этика как исследовательская дисциплина развивается в ходе креативной коммуникации с профессиональными сообществами, выстраивающими свою малую ценностно-нормативную систему. Прикладная (практическая) этика как малая ценностно-нормативная система и как, словами Дэвиса, «набор социальных практик» развивается в ходе креативной коммуникации представителей профессиональных сообществ и участников общественного дискурса с исследователями, специализирующимися на ее изучении. Это также влияет на оптимальные формы преподавания прикладной (практической) этики и заставляет корректировать набор целей преподавания.

Традиционно считается, что у профессионализма есть этическая сторона. Специалист в какой-то практической деятельности является профессионалом, в том числе, в силу того, что он исполняет

кодекс своей профессии и ответственно относится к разрешению дилемматических ситуаций. Однако этим дело не ограничивается. Каждый член профессионального сообщества погружен в процесс непрекращающегося становления профессионально-этической нормативности. Поэтому еще одним признаком профессионализма является готовность формировать свое мнение и высказываться по поводу неурегулированных моральных проблем профессиональной практики или по поводу тех вопросов, регулирование которых требует изменений. Соответственно, подлинный профессионал является квалифицированным собеседником тех специалистов по философской этической теории, которые вовлечены в коммуникативный процесс, развивающий ценностно-нормативную систему его профессии. Без взаимодействия с такими профессионалами исследовательская прикладная (практическая) этика будет бесплодна. Но и успешное этическое регулирование профессий без него тоже будет затруднено.

Как мы видели, Дэвис строго разделил между собой этическое образование простых будущих профессионалов и тех, кто формирует и поддерживает этическую инфраструктуру профессии (уполномоченных по этике, комплаенс-менеджеров, членов этических комиссий и комитетов и т.д.) Во втором случае сомнение в полезности философской этической теории, по его мнению, уже неоправданно. Но мне кажется, что неоправданно само это строгое разделение, предполагающее, что одним достаточно знать простые оценочные критерии, а другим может потребоваться изучающая их теория, то есть нормативная этика. В пользу этого вывода свидетельствует и то, что прикладная (практическая) этика преподается будущим профессионалам в основном в университетах. А университетское образование по определению нацелено на соединение подготовки студентов к будущей практической деятельности с получением ими теоретического знания о ней, а также пусть и очень ограниченным, но обязательным включением в процесс получения этого знания. В отношении этого синтеза теории и практики преподавание прикладной (практической) этики не является исключением.

Соответственно, к целям преподавания прикладной (практической) этики, сформулированным Дэвисом, добавляется еще одна: дать студентам представление о неурегулированных моральных проблемах их профессиональной практики и потенциальных направлениях развития ее ценностно-нормативной системы, содействовать формированию их собственной позиции в отношении этих проблем, развивать у них способность в качестве членов профессионального сообщества участвовать в обсуждении этических документов. В таком случае подход Дэвиса, исключающий знакомство студентов с фило-

софской этической теорией и превращающий изучение какой-то профессиональной этики в простой этический тренинг, может быть оправдан только временными ограничениями, а не тем, что введение теоретического материала не способно сделать курс лучше. Этот подход задан внешними факторами (административными решениями об объеме учебных курсов), а не внутренними (потребностями общества и профессиональных сообществ в специалистах, которые являются полноценными профессионалами). А это значит, что позиция Дэвиса оказывается тривиальной: «при нынешнем, вполне возможно, недостаточном количестве часов на курсы прикладной (практической) этики, заставляющем превращать эти курсы в простой профессионально-этический тренинг, философская этическая теория не нужна». Это суждение неопровержимо, но оно больше похоже на продукт прагматичного смирения, а не ориентированной на общественные потребности экспертизы.

Список литературы

1. *Апресян Р.Г.* Прикладная этика: традиция, предтечи, прецеденты // *Ведомости прикладной этики*. Вып. 50. 2017. С. 41–50.
2. *Бакштановский В.И.* Прикладная этика: инновационный курс для магистр(ант)ов и профессоров (Часть вторая): учебное пособие. Тюмень: НИИ прикладной этики ТюмГНГУ, 2012.
3. *Бакштановский В.И.* Прикладная этика: инновационный курс для магистр(ант)ов и профессоров. (Часть первая): монография. Тюмень: НИИ прикладной этики ТюмГНГУ, 2011.
4. *Davis M.* Professional Ethics without Moral Theory: A Practical Guide for the Perplexed Non-Philosopher // *Journal of Applied Ethics and Philosophy*. Vol. 6. № 1. P. 1–9.
5. *Davis M.* The Usefulness of Moral Theory in Practical Ethics: A Question of Comparative Cost // *Teaching Ethics*. 2009. Vol. 10. № 1. P. 69–78.
6. *Davis M.* The Usefulness of Moral Theory in Teaching Practical Ethics: A Reply to Gert and Harris // *Teaching Ethics*. 2011. Vol. 12. № 1. P. 51–60.
7. *De George R.T.* The Relevance of Philosophy to Business Ethics: A Response to Rorty's "Is Philosophy Relevant to Applied Ethics? // *Business Ethics Quarterly*. 2006. Vol. 16. №3. P. 381–389.
8. *Donagan A.* *The Theory of Morality*. Chicago, 1977.
9. *Gert B.* *Common Morality: Deciding What to Do*. Oxford: Oxford University Press, 2004.

10. *Gert B.* Morality Versus Slogans // Western Michigan University Center for the Study of Ethics in Society. 1989. Vol. 3. № 2.
11. *Gert B.* The Usefulness of a Comprehensive Systematic Moral Theory // *Teaching Ethics*. 2011. Vol. 12. № 1. P. 25–38.
12. *Harris C.E.* A Reply to Bernard Gert // *Teaching Ethics*. 2011. Vol. 12. № 1. P. 39–50.
13. *Harris C.E.* Is Moral Theory Useful in Practical Ethics? // *Teaching Ethics*. 2009. Vol. 10. № 1. P. 51–68.
14. *Harris C.E.* Response to Michael Davis: The Cost is Minimal and Worth it // *Teaching Ethics*. 2009. Vol. 10. № 1. P. 79–86.
15. *Harris C.E., Pritchard M.S.Jr., Rabins M.J.* Engineering Ethics: Concepts and Cases. Belmont: Wadsworth, 2009.
16. *Koehn D.* A Response to Rorty // *Business Ethics Quarterly*. 2006. Vol. 16. №3. P. 391–399.
17. *Rorty R.* Is Philosophy Relevant to Applied Ethics? Invited Address to the Society of Business Ethics Annual Meeting, August 2005 // *Business Ethics Quarterly*. 2006. Vol. 16. №3. P. 369–380
18. *Rorty R.* Replies to Koehn, De George, and Werhane // *Business Ethics Quarterly*. 2006. Vol. 16. №3. P. 409–413.
19. *Ross W.D.* The Right and the Good. N.Y.: Oxford University Press, 2002.
20. *Werhane P.H.* A Place for Philosophers in Applied Ethics and the Role of Moral Reasoning in Moral Imagination: A Response to Richard Rorty // *Business Ethics Quarterly*. 2006. Vol. 16. №. 3. P. 401–408.
21. *Werhane P.H., Hartman L.P., Archer C., Englehardt E.E., Pritchard M.S.* Obstacles to Ethical Decision-making: Mental Models, Milgram and the Problem of Obedience. Cambridge: Cambridge University Press, 2013.